

НАМ НУЖНА ОДНА ПОБЕДА. ОДНА НА ВСЕХ

Впервые об удивительном романе, который хранит вдова писателя, давая — редко — посвященным его читать, Натка услышала от отца. Поэт Луговской рассказал отцу о романе, может быть даже великом, которому не суждено увидеть Божий свет, по крайней мере, в обозримом будущем.

Натка мгновенно вспомнила об этом, когда Евгения Самойловна, та маленькая седая женщина с черными живыми глазами, которая встретила Натку в ее первый день в редакции, под страшным секретом рассказала, что, кажется, начинается великая битва за публикацию «Мастера и Маргариты». Евгения Самойловна узнала об этом от Симонова, бывшего своего мужа, с которым до конца дней сохранила дружеские отношения. На нетерпеливые Наткины вопросы, о чем роман, чем замечателен, почему представляет опасность, Евгения Самойловна подробно ответить не могла, роман сама она еще не читала и не была уверена, что их главный редактор его уже прочел.

Потом о публикации не было ни слуху ни духу несколько месяцев. Очевидно, проводились консультации в высших сферах, на каком уровне, Натка не знала,

но приближенный к главному его заместитель полагал, что дальше отдела культуры, а может быть, и пропаганды ЦК дело не шло.

Весной в редакцию приехал Симонов — никто не сомневался, ради чего. Они с главным долго совещались. В страшной тайне (но нет такой редакционной тайны, которая не стала бы явной со скоростью звука) хранилось, что заведующий отделом прозы может поехать к Елене Сергеевне, и она позволит ему прочесть роман — Симонов договорился. Это уже знак — работа начинается.

Владимир Михайлович вернулся задумчивый, на Наткины вопросы отвечал туманно. Ясно было одно — что-то в этом романе потрясло. И заставляло опасаться.

Натка, конечно, уже не раз сталкивалась с требованиями цензуры, хотя ни одного цензора в глаза не видела. Зато видела беспомощность ответственного секретаря редакции и отвечавшего за номер заместителя главного, их молчаливую готовность выполнить замечания и снять, как правило, самую важную сцену произведения. Отстоять что-нибудь удавалось по мелочам. Поэтому, готовя материал в номер, редактор, особенно если он «болел» за вещь, должен был, проклиная все на свете и свою профессию в первую очередь, помочь автору найти достаточно обтекаемые формулировки, спрятать за ними нередко главный смысл. Прошумел давно XX съезд, расколол стену молчания, Натка уже знала о гибели замечательных писателей из-за повести, из-за стихотворной строчки. Еще не знала только, что писатель может остаться жив и даже на свободе, а главную его книгу, смысл его жизни, ее оправдание, по навету коллег могут арестовать, с уверенностью сказав при этом, что раньше чем через сто, двести лет ее никто не прочтет.

Уже прошел процесс над Синявским и Даниэлем, расколовший окончательно интеллигенцию, Натке дали билет на одно утреннее заседание, выступал по доброй воле общественный обвинитель, тоже писатель, Аркадий Васильев, член редколлегии ее журнала, и Натка не помнила, как вернулась домой с площади Восстания, а по телевизору показывали вторую, изуродованную, часть «Ивана Грозного», и было так худо, как будто в грязи вывалялась, ничего не хотелось. Уже был прочитан «Один день Ивана Денисовича», и Наткин мир с трудом приходил в себя, как после землетрясения, раны затягивались с трудом. Оптимистическая идея справедливого устройства мира уходила все дальше, разваливалась на глазах, но Натка упрямо хваталась за ее обломки, все-таки еще тянулась «оттепель» и очень хотелось верить, что кровавое прошлое не повторится.

Поэтому Натка в своем молодом оптимизме с недоверием выслушивала то от одного, то от другого тайны мадридского двора, которыми была окружена грядущая публикация. Внутри редакции вокруг нечитаного романа тоже скрещивались шпаги, и среди тех, кто мог хоть как-то повлиять на решение, большинство оказалось противниками публикации. Они разными способами, даже чисто женским — предостерегающими звонками жене главного, старались уберечь журнал от потрясений, неизбежных, если публикация все-таки состоится.

Главный был в больнице, ходили слухи, что болезнь его страшная, неизлечимая, но он вернулся в редакцию живым и бодрым, вызвал Натку, сказал буднично, что она будет вести роман, потому что Владимир Михайлович Андреев нездоров, и что он сам договорился с Еленой Сергеевной — пусть Натка едет и роман читает.

Натка к этому моменту уже много знала о судьбе Булгакова и о его великой любви, о том, что Елена Сергеевна не просто хранительница наследства, она помогала тяжелобольному неподвижному Булгакову снова и снова редактировать рукопись и в последнем варианте многие страницы переписаны ее рукой. И хотя Натка еще не читала не только «Мастера» и «Записки покойника», но и «Собачье сердце», для нее Булгаков был в ряду замечательных русских писателей. «Белая гвардия», «Дни Турбиных», «Последние дни (Пушкин)» и «Записки молодого врача», прекрасная литература, но вполне в традиции классики, да и суета вокруг неопубликованного романа не вызвала у нее трепета перед встречей с Еленой Сергеевной. Слишком много разговоров, глаза рассказчиков горят нездоровым блеском...

Под обаяние Елены Сергеевны — удивительно радужной и доброжелательной, мгновенно растопившей Наткину скованность, Натка подпала сразу. По рассказам она представляла себе жену Булгакова сказочной красавицей, чаровницей, а перед ней была удивительно милая, готовая к любой новости уже немолодая женщина, и только в глазах ее, когда она жадно расспрашивала Натку об отношении в редакции к роману, все еще не веря до конца (и справедливо) в решение опубликовать его (хотя ни капли сомнения в том, что роман будет опубликован и ему суждена долгая жизнь, у нее не было), только в глазах ее то и дело вспыхивал огонек лукавства и очарования, и Натка поверила в великую любовь.

Первую главу романа Натка читала с удовольствием и интересом, обычным, когда открываешь хорошую книгу. Но вот началась вторая глава: «В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской по-

ходкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана...» Натка услышала звук. Чистый, мощный. Звук нарастал. Натка уже ничего не видела и не слышала. Проза звучала. Поначалу было совершенно не важно, о чем она, важно было погрузиться в музыку этого звука. Растерянная, Натка попыталась вообразить, как, каким способом возник это звук, но быстро поняла — здесь нет объяснения. Ни порядок слов, ни самый их выбор не говорили ни о чем. Звук нарастал, потом он перешел в музыку. Только дочитав, Натка поняла — здесь самая разная музыка, от высокого хора, от оперы с ее трагедией и катарсисом к легкой, даже чуть пошлой оперетке. И потом, сколько бы раз она ни перечитывала рукопись (а перечитывать пришлось неслучайно раз, особенно когда началась работа с цензурой), возникало ликующее чувство. словно проза, написанная нормальными, привычными словами, выбралась в новое, неведомое до того, может быть, космическое пространство, преодолела земное притяжение.

Потом она всматривалась в каждого только что прочитавшего роман; рукопись, перепечатанная в нескольких экземплярах, уже была в редакции. Надеялась, что звук — не ее фантазия, что кто-то услышал его. Но все читавшие, даже те, кому роман нравился очень, начинали анализировать, скорее анатомировать его, а разобранный на части, он переставал звучать. А значит — жить.

Хотя официальное решение о публикации не было принято и редколлегия по этому поводу не собиралась, рукопись начали готовить к печати. Курировать эту работу было поручено негласному заместителю главного редактора, теновому кардиналу. Борису Сергеевичу Евгеньеву.

Высокий, седеющий сухощавый человек с очень прямой спиной, застегнутый на все пуговицы своего темного костюма, холодно отстраненный, педантично аккуратный во всем, и в том, что говорил, тоже. Ни одного случайно вырвавшегося слова. Все взвешено, продумано. Говорит значительно, бесстрастно, не повышая голоса. Образован, начитан. Спокойно, размеренно препарирует рукопись, если принимает, то снисходительно, давая понять, что слово его дорогого стоит и для автора может оказаться решающим. С непоколебимым достоинством выполняет продиктованные свыше решения, даже если они противоречат его мнению. Уважает ремесло: крепко сколоченный сюжет, предсказуемых героев. Неожиданный поворот не то что пугает его, скорее вызывает брезгливое недоумение: нарушены правила игры. Уверен, что сам владеет ремеслом, пишет и печатает рассказы и повести — старательные, монотонные. Вот и в эти дни, после туристической поездки в Лондон, отписывается: работает над повестью «В Лондоне листопад» для своего журнала.

Не было дня, чтобы на втором этаже не возникал высокий поджарый человек с копной черных вьющихся волос, с горящими глазами. Сидел то в одном, то в другом отделе, рассказывал непосвященным о «Мастере», с восторгом и близко к тексту пересказывал целые главы, старался увлечь романом даже самых равнодушных и осторожных. Этот человек приехал из Ташкента, был профессором тамошнего университета. Звали его Абрам Зиновьевич Вулис.

Он был одержим романом, даже сумел упомянуть его в своей диссертации, говоря о богатстве сатирических произведений, которые хранятся в архивах писателей. В Ташкенте он познакомился с Симоновым,

бывший редактор оттепельных «Нового мира» и «Литературки» был там в почетной ссылке. Вулис восторженно рассказал ему о романе. Симонов, по словам Вулиса, мгновенно вспомнил, как после смерти Булгакова, еще до войны, они с Фадеевым были у Елены Сергеевны и разговор в том числе шел и о «Мастере» тоже.

Опытнейший дипломат, Симонов сразу понял — дорога предстоит долгая и опасная, нужно разработать стратегию. Просто прийти с «Мастером» — вряд ли получится, слишком неподготовлены к такому чтению те, кому предстоит принимать решение. Если он сам, правда шутя, спросил Вулиса «за советскую власть роман или против», то что говорить об остальных. И они придумали, как им казалось, очень хитрый ход: составить библиотеку современной сатиры, включить туда все жанры и предложить ее Софронову — главному редактору журнала и библиотеки «Огонька», мощного издательского концерна. «Огонек» уже выпустил несколько собраний сочинений, в библиотеке сатиры, глядишь, и «Мастер» пройдет. Идею озвучили, Софронову она понравилась (роман ему, конечно, не показали) — выгодная, народ посмеяться любит. И хотя идея не была осуществлена, название романа — «Мастер и Маргарита» запомнилось.

К моменту, когда публикация стала реальной, Елена Сергеевна, не скрываясь, давала читать роман разным людям, его прочли и в редакции, разговоры вокруг него возникали то и дело, постепенно сложился круг болельщиков и просто любопытствующих, и все это повлияло на возникшую вокруг романа атмосферу.

В редакции все шло своим чередом. Вулису поручили написать предисловие. Заместитель вчитывался в текст, отмечая те места, которые могли вызвать па-